

доктор политических наук

И.Ф.Максимычев

Институт Европы РАН

Комментарий к докладу д-ра Ганса-Георга Вика

17 апреля 2008 года

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить г-на д-ра Вика за интересный и необычный доклад. Мне впервые довелось слушать сообщение руководителя одного из тех теневых ведомств, сотрудники которых, как правило, предпочитают молчать. К тому же, одной из главных тем доклада являлось освещение средствами разведки важнейшего и трагического периода в истории моей страны – времени перестройки, которая предшествовала дезинтеграции второй мировой державы XX века. Практически весь период, о котором шла речь в докладе, я находился не очень далеко от г-на д-ра Вика, а именно в Восточном Берлине, где я был советником-посланником советского посольства, заместителем посла (1987-1992). Может быть, в донесениях, которые ложились на стол руководителя Пуллаха, фигурировала и моя скромная персона. Но я ни разу не сталкивался с материалами о деятельности его агентуры в ГДР или Западном Берлине, что можно расценить как высочайший комплимент в адрес профессионализма сотрудников этого ведомства: не светились почем зря.

За исключением начальной стадии перестройки, я следил за развитием событий так же, как и докладчик, из-за границы, опираясь, прежде всего, на материалы средств массовой информации, включая западные, и на свидетельства многочисленных соотечественников, посещавших в ГДР. Кроме того, в Москве оставались трое наших детей со своими семьями. Посол В.И.Кочемасов завел порядок, при котором дипломатический состав посольства ежедневно информировался о настроениях и мнениях в московских «верхах», с которыми посол связывался несколько раз на дню (в частности, он часто беседовал по высокочастотному телефону с М.С.Горбачевым и Э.А.Шеварнадзе). Так что уровень моей осведомленности о состоянии дел на Родине, как минимум, не уступал тому, которым обладали в Пуллахе. Вот

почему я должен подкорректировать ряд оценок г-на д-ра Вика, высказанных в его докладе.

Но прежде всего несколько слов о той особенности доклада, которая состоит в том, что он повествует о закрытой разведывательной информации, докладывавшейся БНД руководящим инстанциям своей страны для принятия соответствующих политических решений. Как всякий уважающий себя шеф учреждения, г-н д-р Вик подчеркивает уникальные положительные свойства западногерманской службы разведки, которую он возглавлял, давая при этом понять, что аналогичные ведомства других стран в подметки не годятся БНД. У меня нет опыта работы ни в БНД, ни в иных разведывательных органах, но мне приходилось сталкиваться по долгу службы с сотрудниками соответствующего профиля в дипломатических представительствах и своей страны, и других государств. Честно должен сказать, что, по моим впечатлениям, особой разницы между ними не чувствовалось. Только одни были «за наших», а другие «не за наших». (Впрочем, в последние годы мы с особым пристрастием обсуждаем именно тех, которые были «за наших»). И те, и другие высоко оценивали работу своих ведомств. Это понятно: всяк кулик свое болото хвалит.

Мне лишь неприятно, что западные СМИ раздули такую страшилку из факта службы В.В.Путина в КГБ в период до 1990 года. В функции маленькой группы советских контрразведчиков в Дрездене, к которой принадлежал Путин, входило прикрытие от чрезмерного любопытства со стороны разведывательных служб Запада, включая БНД, расположенной в саксонских лесах танковой армии, являвшейся главной ударной силой ГСВГ в рамках обороны территории ГДР. Но чего только не напридумывали на Западе в этой связи! Я слышал своими ушами, как во время одной из публичных дискуссий наследник австро-венгерского престола Отто фон Габсбург утверждал, будто Путин был директором тюрьмы оккупационных властей СССР в Бауцене и самым ужасным образом нарушал права заключенных немцев. Но эта тюрьма была передана властям ГДР в начале 50-х годов, в то время как Путин родился в 1952-м! В СССР/России подобных утверждений не допускалось ни в отношении Джорджа Буша-старшего, ни в отношении самого Ганса-Георга Вика, хотя они как руководители разведывательных ведомств иностранных государств

представляли собой такую находку для журналистов, обладающих фантазией не в меньшей степени, чем их западные коллеги.

Теперь по поводу оценок в докладе г-на д-ра Вика. Приходится возразить против складывающегося под воздействием его высказываний впечатления, будто СССР периода «застоя» был тождественен с «тоталитарным монстром» 1937 года. (Кстати, само употребление термина «тоталитарный» в применении к СССР даже сталинских времен вызывает весьма обоснованные возражения по существу; смысл этого прикладного по своему характеру термина состоит в том, чтобы «приравнять» «реальный социализм» к нацизму, в то время как это явления принципиально различного характера). Период «застоя» был скорее временем «выдохшейся диктатуры», когда одни делали вид, что правят, а другие делали вид, что дают собой править. Обещанного партией изобилия не было (хотя пустые полки магазинов – это явление конца перестройки), партия теряла остатки уважения к себе, над ней смеялись все кому не лень, «карающий меч» затупился, общественное мнение формировалось не на партсобраниях, а в дискуссиях на кухне, и складывалось не в пользу системы.

Не думаю, что верно утверждение, будто М.С.Горбачев был с самого начала одиноким рыцарем перестройки. Необходимость реформ остро ощущалась всем советским обществом, и Горбачев смог опереться на массовую поддержку, которую, к сожалению, в дальнейшем быстро растерял. К слову сказать, персональная альтернатива Горбачеву имелась – долголетний первый секретарь Московского горкома и член политбюро ЦК КПСС В.В.Гришин (он был, как и Горбачев, 1931 года рождения) располагал очень неплохими шансами завладеть браздами правления. Можно предположить, что и Гришин пошел бы путем перестройки – может быть, более осторожной и менее безоглядной, но оставить все, как было, не смог бы ни один советский руководитель. Дело решила позиция А.А.Громыко, предложившего на заседании политбюро кандидатуру Горбачева. В благодарность за это Горбачев снял Громыко с поста министра иностранных дел, на котором тот проработал без малого 30 лет, став своего рода символом внешней политики, сконцентрированной на защите национальных интересов страны. Это решение стало симптоматичным: профессионалы Горбачеву оказались не нужны.

Насколько можно судить, первоначально Горбачев не собирался ни упразднить социализм, ни разрушать страну. Его лозунгом стали реформы, и в этом его поддержало общество. Беда в том, что он собрал вокруг себя команду, которая работала на себя, отчасти на генсека лично, но не на Россию. Это был своеобразный бал дилетантов, где каждый исполнял свой танец без оглядки на общую целесообразность, исторический опыт и шансы на конечный успех. Главным было, чтобы «процесс пошел», а к чему этот процесс приведет, оставалось за гранью сознания. Видимо, поэтому так часты были ссылки на историю, которая должна показать, рассудить и доказать правоту. Как будто все, что делали Горбачев и его коллеги, не имело никакого отношения к тому, как результаты исторического развития будут выглядеть на самом деле. Это очень удобная поза. Любая катастрофа может быть объяснена тем, что «так распорядилась история». Однако опыт показывает, что именно такая позиция чаще всего и приводит к катастрофам.

Особенности деятельности прорабов перестройки с особой силой сказались на решении германского вопроса, являвшемся основной темой сообщения г-на д-ра Вика. Он прав, когда говорит о том, что в СССР были странные люди, утверждавшие, что только существование ГДР мешает тому, чтобы ФРГ и Запад в целом заключили Советский Союз в свои объятия: стоит лишь «сдать» ГДР, как в отношениях между Востоком и Западом наступит эра взаимной любви и золотого дождя. Каких-либо логических доказательств в подтверждение этого удивительного тезиса не приводилось. С доказательствами в эпоху перестройки дело было вообще швах – провозглашавшиеся идеи должны были приниматься на веру; доказывать их целесообразность считалось дурным тоном: эта задача отводилась, само собой разумеется, истории.

Горбачев и его соратники не придерживались (по крайней мере, открыто) подобных воззрений, но и не опровергали их официально: пусть-де цветут сто цветов. Впрочем, первым делом помощника генсека по внешней политике А.С.Черняева (что-то вроде теневого министра иностранных дел) был совет своему шефу включить в документы очередного партсъезда положение о воссоединении Германии (это был 1986 год!). Правда, совет не был принят. Но

постоянные контакты между гражданами ГДР и СССР (сейчас даже как-то не верится, что эти контакты были на порядок более массовыми, чем нынешние) не ограничивались чтением газетных передовых и документов партийных съездов. Странные и удивительные тезисы, обсуждавшиеся в СССР на разных уровнях, сразу же становились достоянием людей в ГДР, тем более что речь шла об их стране. Результатом стало расшатывание и без того не слишком прочной стабильности стратегически самого важного союзника СССР в Европе.

Весьма красноречивой иллюстрацией того, как себя чувствовали в этой обстановке гедэровские реформаторы, может служить просьба, с которой в августе 1988 года обратился к заканчивавшему свой отпуск в ГДР заведующему отделом печати МИД СССР Г.И.Герасимову (считалось, что он близок к Горбачеву) статс-секретарь (второй человек) в МИД ГДР Герберт Кроликовский. Кроликовский попросил выяснить в Москве, нужна ли еще Советскому Союзу ГДР. Его слова звучали так: «Мы просим лишь об одном – сказать нам ясно, каковы ваши намерения в отношении нас. Сегодня есть социалистическая Германия. Вопрос в том, надо ли ее сохранять, как, например, Австрию, или ждать момента, когда можно будет отделаться от ГДР. Это наше государство, мы его выстроили и любим. Наш западный партнер – не самый глупый и не самый слабый. Не надо облегчать ему достижение цели, которая состоит не в усилении ГДР. Однако если вы нам скажете, что мы вам больше не нужны, что вы можете обеспечить мир в Европе и без нас, мы постараемся найти выход из новой ситуации. Мы возродим прежнюю концепцию федерации в Германии, начнем переговоры с Бонном по этому вопросу и будем добиваться максимально выгодных условий для людей, живущих здесь. Мы не драматизируем, не собираемся поднимать вселенский плач. Но надо принимать меры, думать о следующем и дальнейшем этапах». Абсолютно честная и достойная уважения позиция. Повторяю: это была середина 1988 года – до всеобъемлющего кризиса ГДР оставалось чуть больше года: времени для подготовки было в обрез, но оно еще было. Герасимов сразу из Берлина доложил об этой беседе в Москву. Ответа так и не поступило. Но самое главное – не было внесено ясности в вопрос, какой будет судьба ГДР в складывающейся

ситуации. Снова понадеялись на историю, и она, как всегда, не оправдала ожиданий.

Нельзя исключать, что ведомство, возглавлявшееся г-ном д-ром Виком, приложило руку к возникновению кризиса, унесшего ГДР. Но надо честно признать, что не это стало главной причиной того, что кризис разразился. Конечно, бетонные головы из команды Эриха Хонеккера несут большую долю вины за то, что этот кризис набрал столь огромную силу и неукротимость. Однако, пожалуй, еще большую роль сыграло отсутствие у Москвы продуманной и взвешенной позиции по вопросу о дальнейшем существовании ГДР.

Восточногерманская республика оставалась незыблемой реальностью европейского расклада сил до тех пор, пока Советский Союз недвусмысленно стоял на том, что она является гарантом соблюдения его стратегических интересов на континенте. В тот момент, когда СССР стал допускать колебания в этом вопросе, судьба ГДР была решена – восточные немцы потянулись к процветающей ФРГ. Это по-человечески вполне понятно: лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Однако сам факт тяги восточных немцев к объединению с ФРГ еще не предрешал ни сроков, ни условий исчезновения ГДР. Наш докладчик признает, что реформаторы и оппозиционеры, задававшие тон в ГДР до выборов марта 1990 года (да и после них тоже), выступали против немедленной и бесследной ликвидации республики. То, что предлагавшийся Кроликовским вариант решения германской проблемы (план Ханса Модрова «Германия – единое отечество» от 1 февраля 1990 года по существу воспроизводил его) не был использован даже в первом приближении, означал крупнейшее упущение дипломатии Горбачева с точки зрения защиты интересов возглавлявшейся им страны. Выход НАТО на российские границы – одно из следствий того, что вожди перестройки не справились с джинном, которого сами же выпустили из бутылки.

Не думаю, что оправдано распространенное в ФРГ обыкновение заносить объединение Германии в список заслуг одного Горбачева, напрочь забывая при этом о России и ее народе. Неизбежность решения национального вопроса

немцев через слияние ГДР и ФРГ мы в берлинском посольстве в полный голос обсуждали еще до отставки Эриха Хонеккера, состоявшейся 18 октября 1989 года. Как раз Горбачев непозволительно долго не решался взглянуть в глаза действительности. Он упустил время, когда еще можно было хотя бы частично избежать капитуляции ГДР и вместе с ней СССР. Осознать после начала Лейпцигских демонстраций по понедельникам, куда идет дело, можно было и скорее. Совершенно недальновидно было медлить с модификацией своей позиции в соответствии с изменившейся ситуацией (хотя Модров упорно настаивал на этом), а затем отказаться от оказания союзнику поддержки в переговорах с неизмеримо более сильным партнером.

Отказ от применения силы для преодоления кризиса ГДР также не был делом рук одного Горбачева. Ни у гражданских, ни у военных руководителей СССР не прослеживалось и тени сомнения в том, что силой здесь ничего решить нельзя и она лишь усложнит ситуацию. Я могу с полной ответственностью утверждать, что, вопреки распространенным басням о «заговорах генералов», ни в Москве, ни в Западной группе войск возможность применения силы не обсуждалась даже в теоретическом плане. О подобных баснях позаботилось окружение Горбачева (прежде всего Э.А.Шеварнадзе), а также недруги России, которым важно, чтобы немцы не испытывали благодарности по отношению к русским военным, заслужившим признательность населения ГДР, не покидая казарм.

Повторяю: всем было ясно, что прибегать к силе нельзя ни с моральной, ни с политической точки зрения. Однако было вполне допустимо использовать присутствие на территории ГДР крупнейшей военной группировки в качестве аргумента при определении условий выхода из кризиса. Что было абсолютно непозволительно, так это соглашаться с тем, чтобы судили и бросали в тюрьмы руководителей союзного государства, вся вина которых состояла в том, что они выполняли союзнический долг так, как они его понимали.

Крупнейшим провалом стало согласие Москвы на урегулирование, которое вызвало в мире впечатление, будто мы ушли из Германии потому, что потерпели какое-то «поражение». Та пара миллионов немецких марок, которые Горбачев, а затем Ельцин выторговали у Гельмута Коля, никак не может

оправдать унизительно поспешный вывод Западной группы войск, как будто за нею кто-то гнался. Солдаты, пришедшие в Германию как победители, уходили как бедные родственники, которым указали на дверь. Западноберлинские гарнизоны США, Великобритании и Франции не случайно отказались в августе 1994 года участвовать в прощальном параде нашей берлинской бригады (она последней уходила из Германии), хотя приглашения были направлены в установленном порядке. Войска трех западных держав, которые также выводились из Берлина, не захотели опускаться на уровень выпроваживаемых русских. Они провели свой заключительный парад позже, чтобы продемонстрировать, что они уходят по своей, а не по чужой воле.

Импозантная фигура Гельмута Коля занимает центральное место в истории европейской политики 90-х годов прошлого века. Видимо, это справедливо: Коль добился всего, чего хотел, и в той форме, которую он считал предпочтительной. Верно и то, что БНД под руководством г-на д-ра Вика оказала канцлеру действенную помощь в достижении поставленной цели. При раздаче лавровых венков надо лишь принять во внимание, что московские партнеры Коля по переговорам играли по существу в поддавки. Москве в тот момент очень не повезло – у нее еще не было В.В.Путина. -

Конец -